

Художница

о с о б ы й д а р

Г а л и н а С м о л и н а

Галина Смолина

Художница. Особый дар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66681590

SelfPub; 2023

Аннотация

Пятнадцатилетняя Олеся сбегает из дома из-за приставаний пьяного отчима. Она готова на всё, даже умереть в лесу, лишь бы не оставаться с пьющей матерью и отчимом. Но помощь приходит совсем неожиданно. По странному, мистическому стечению обстоятельств девочку находит Анна Степановна – совсем не обычная жительница заброшенной деревни. Она обнаруживает девочку и понимает, что девочка невероятно, фантастически талантлива. Анна Степановна решает помочь Олеся. Она привозит Олеся в Петербург, и вот тут выясняется, что талант девочки гораздо более необычен. Портреты, которые рисует Олеся, обладают удивительными свойствами...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Галина Смолина

Художница. Особый дар

Глава 1

Она бежала по лесу, не замечая бьющих по ногам, рукам, лицу мокрых веток. На лице и руках кое-где выступила кровь. Олеся вытирала на ходу слёзы, размазывая их по лицу вместе с кровью.

– Скотина, скотина, какая же ты скотина! – гневно шептала она, поскальзываясь и падая на мокрой траве. – Пусть я с голоду умру в лесу или звери растерзают меня, но домой не вернусь. Да разве это дом?!

Олеся выбежала на высокий берег реки, остановилась, посмотрела вниз. Внезапный ветер сорвал с головы бейсболку и бросил её вниз на торчащие из воды кусты.

Ну вот, теперь и подарок Женьки потеряла. Женька – это её парень. Он уехал учиться в город, подарив ей на прощание свою бейсболку, на которой они написали красным маркером Женя+Олеся=Любовь. Олеся хотела спуститься вниз, но вдруг ей показалось, что сзади хрустнули ветки. Она стремглав снова помчалась вперёд, замирая от ужаса и страха. Тропинка вдоль реки давно закончилась, а Олеся бежала и бежала, стараясь забыть пьяные глаза отчима.

Если бы был жив отец! Никто бы пальцем не посмел тронуть её. При воспоминании об отце у Олеси опять потекли слёзы.

Как же было хорошо! Сейчас она вспоминала прежнюю жизнь как чудесный сон. Иногда ей снились эти счастливые моменты. И тогда ей не хотелось просыпаться.

Неужели было так – счастливая семья, любящие родители?!

Всё осталось в той прошлой жизни, куда возврата нет.

Отец с матерью были счастливой и красивой парой. Он – высокий, крепкого телосложения. Густая копна тёмно-русых волос, серо-голубые глаза, ямочка на подбородке. Спокойный, ироничный, немногословный.

И полная противоположность мать – невысокая, отцу по плечо, рыжеволосая, с большими серо-зелёными глазами. Подвижная, лёгкая на подъём. Её звонкий голос и смех звучал по всему дому. Отец так и говорил ей: «Тебя надо было назвать не Ольгой, а Огневушкой-Поскакушкой».

Олеся родилась копией своего отца. Говорили в деревне, что если дочь похожа на отца, то будет счастливой.

– Где оно, счастье-то? – часто горестно думала Олеся.

Когда ей было десять лет, отца не стало. Его сбило машиной, когда он возвращался из города. Водитель не остановился. Потом врачи в районной больнице сказали, что отца можно было спасти, если бы вовремя была оказана медицинская помощь. Увидели его, лежащего на обочине, только

спустя несколько часов. Он потерял слишком много крови.

Мать Олеси чуть не помешалась с горя. То молчала целыми днями, то рыдала так, что испуганная дочь убегала из дома. Хорошо, что бабушка тогда была ещё жива. Она поила свою дочь какими-то отварами трав, приговаривая:

– Оленька, надо смириться, надо смириться. Да, Виктор, был очень хороший человек, но, видать, Богу тоже нужны хорошие люди.

От этих слова мать приходила в бешенство:

– Где он, твой Бог был, когда Витя истекал кровью, где?!

Бабушка, горестно качая головой, молча плакала. Она любила зятя, как родного сына. Радовалась за дочь, глядя на их счастливую семью. Да ведь что матери надо? Только видеть счастливыми и здоровыми своих детей. А теперь что? Её единственная дочь стала вдовой в 31 год.

Полгода мать Олеси приходила в себя. А потом стал к ним в дом заходить сосед Вадим, бывший её одноклассник. Он со школы был влюблён в Ольгу. И когда она вышла замуж за Виктора, был прямо в ярости. Напившись, устроил скандал на её свадьбе.

Немного погодя Вадим женился, но что-то не пошла у него семейная жизнь. Быстро развёлся и жил опять по соседству вместе со своей матерью. Начал прикладываться к спиртному.

Олеся часто встречала его на улице, ловя на себе угрюмый неприязненный взгляд.

Ещё через полгода мать вышла замуж за Вадима. Этому очень поспособствовала мать Вадима, уговаривая Ольгу, пока та молодая, устроить свою жизнь.

Сначала всё было спокойно. Вадим почти перестал пить. Но вот прежней Ольги не стало. Олеся уже не слышала её смеха, как раньше. Через год родился Антошка, такой рыжик зеленоглазый. Вадим был на седьмом небе от счастья.

И Олеся привязалась к маленькому братишке. С удовольствием гуляла с ним, играла, книжки читала. Он отвечал ей такой же любовью. И всё вроде налаживалось в их жизни, если бы отчим не стал всё чаще прикладываться к рюмке. Потихоньку, как-то незаметно для всех, пристрастилась и Ольга.

Пока была жива её мать, она ещё сдерживалась. А потом, когда бабушки не стало, жизнь Олеси стала невыносимой. Почти каждый день пьянки. И Антошка оказался никому ненужный. Она, как могла, ухаживала за братишкой. В конце концов, Антошку забрала мать Вадима. Этот малыш хоть как-то скрашивал жизнь Олеси, а теперь и его не было в доме.

Раньше уходила в бабушкин дом. Мать часто говорила, что продав его, она поможет дочери устроиться в городе. Но потом дом продали, а деньги пропили.

А у Олеси была мечта с самого детства – поступить в художественное училище. Она рисовала всегда и везде. На чём угодно и чем угодно. Особенно хорошо выходили люди и жи-

вотные. Они получались у неё как живые. На вопрос одноклассников, как это у неё получается, отвечала, что как-то само собой.

Отец говорил, что к окончанию восьмилетки они обязательно переедут в город, где она сможет учиться живописи.

Олеся бежала по лесу и всё вспоминая, никак не могла остановить слёзы. А самое страшное в этой её жизни – отчим стал к ней проявлять мужской интерес. Мать быстро пьянела и засыпала прямо за столом. Тогда отчим не спускал с падчерицы мутных глаз, от его взгляда она приходила в ужас. Уходила в свою комнату, чем могла подпирала дверь. Обычно он, подёргав за ручку, уходил в свою комнату. Но сегодня в ярости сломал дверь. Она едва успела выскочить в окно.

И стремглав помчалась в лес, слыша отборный мат вслед. Олеся не поняла, побежал отчим за ней или нет. Она просто бежала и бежала непонятно куда. И понимая, что назад уже дороги нет.

Опять впереди показалась река. Олеся повернула в сторону реки напрямик через кусты и с разгону ударилась головой о торчавший сук единственного дерева на пути.

Очнулась она, ощутив на лице что-то мокрое и холодное. Открыв глаза, снова зажмурилась в ужасе, увидев прямо перед собой чью-то мохнатую морду.

– Ну всё, мне пришёл конец, – подумала Олеся и сжалась вся в комок, закрыв лицо руками.

И тут же услышала женский крик:

– Рекс, ко мне!

Собака залаяла, не отходя от Олеси. Немного погодя женский голос уже рядом:

– Рекс, чего ты опять нашёл? О, Господи, кто это? Рекс, отойди.

Олеся открыла глаза и увидела женщину. Высокую, стройную, одетую в защитного цвета куртку и брюки, в резиновых сапогах.

На вид ей было лет 50-55. Карие глаза незнакомки внимательно смотрели на Олесю.

– Девочка, ты что здесь делаешь в такой глуши? Что случилось?

Олеся потрогала гудевшую голову, посмотрела на окровавленную ладонь:

– Я ударилась об дерево, – и вспомнив, почему она здесь оказалась, Олеся заплакала, закрыв лицо руками.

– Попробуй встать, – женщина взяла её за руки.

Олеся встала, но покачнулась. Схватила за голову:

– Голова... болит и кружится.

– Да, наверное, сотрясение ты получила. Боже, да ты ещё в одних носках. Ладно, потом всё расскажешь, а сейчас надо как-то нам добраться до лодки. Она сняла с себя куртку, надела на Олесю.

– Держись за меня, давай пойдём тихонько, тут недалеко.

Они медленно пошли к реке. Спустившись вниз, Олеся

увидела моторную лодку. Рекс без всякой команды запрыгнул и сел, глядя на них умными глазами. Было видно, что это для него привычное дело.

Женщина осторожно посадила Олесю в лодку. Сняла с неё мокрую футболку, носки. Надела большой пушистый свитер. Потом достала из какого-то металлического ящика сапоги, и надела ей на ноги.

– Теперь давай выпей чай, – она налила что-то из большого термоса в металлическую кружку и протянула Олесе.

– Что это, пахнет чем-то?

– Не бойся, чай с бальзамом, тебе надо выпить всё, иначе заболеешь. Шутка ли – в носках, в футболке... Вся мокрая. Хоть и лето, но не жара ведь, – женщина озабоченно покачала головой. – Всё, садись удобнее. Рекс, сидеть рядом... Как тебя зовут?

– Олесья.

– А меня Анна Степановна, вот и познакомились.

– Рекс, сидеть здесь, – Анна Степановна показала рукой на место рядом с Олесей.

– Так, а куда же подевался мужчина?

– Какой мужчина? – Олесья испуганно встрепенулась.

– Мы проплывали мимо. И у нас здесь внезапно заглох мотор. Лодка встала. Тут я увидела, что на берегу на пригорке стоит мужчина и машет руками. Я ещё удивилась – место тут малолюдное, чего он тут делает. Но поняла, что нужна помощь.

– А мужчина такой невысокий, с чёрными волосами? – у Олеси предательски задрожал голос.

– Да нет. Высокий, и шевелюра такая богатая. И одет как-то странно, не для прогулок по лесу. В рубашке в синюю клетку. Брюки. Я потом посмотрела ещё в бинокль, мало ли кто это. Симпатичный такой, ямочка на подбородке.

Олеся побледнела – под это описание подходил только её отец, таким она видела его в последний раз, когда хоронили.

– Ты что так побледнела? Тебе плохо?

Олеся, запинаясь от волнения, вытирая опять набежавшие слёзы, рассказала про отца.

– Да, девочка, отец у тебя, видимо, твой ангел-хранитель. Считаю, он спас тебя. Ведь мы никогда здесь не высаживаемся. Понимаешь? Совсем никогда. Да и вообще здесь почти никто не ходит. Значит, очень он тебя любил. – задумчиво сказала Анна Степановна – Ну, тогда тронемся.

Она завела мотор, и лодка рванула по водной глади.

Олеся не видела, куда они плыли и как долго. Она, согревшись, сразу уснула. Проснулась от того, что кто-то легонько потряс её за плечи. Открыла глаза и спросонья не сразу поняла, где она и с кем. Потом вспомнив, хотела вскочить, но Анна Степановна удержала её:

– Не делай резких движений, нельзя при сотрясении. Вставай потихоньку и пошли.

Пройдя метров триста, Анна Степановна посадила её на пенёк, сказав:

– Посиди здесь, я пойду лодку спрячу. Рекс, охраняй.

Минут через пятнадцать она вернулась:

– Пошли теперь домой.

Они шли недолго, минут двадцать. Вышли на окраину небольшой деревни. Олеся насчитала всего пять домов. Даже с первого взгляда видно было, что они нежилые – заколоченные окна, заросшие огороды, покосившиеся заборы. Кроме крайнего дома, куда повела её Анна Степановна. Хотя и он был тоже потемневший от времени, и забор с воротами давно не видел покраски. Но окна сияли чистыми стёклами и цветастыми занавесками, входные двери новые, крыльцо кое-где подлатанное свежими досками.

Открыв большой висячий замок, Анна Степановна впустила Олеся в дом.

– Проходи, сейчас дам одежду, тебе нужно переодеться в сухое.

Достала из большого старого шкафа спортивный костюм, мужскую рубашку, толстые шерстяные носки.

– А я пойду затоплю баню, тебе она сегодня не помешает.

Олеся переделась, села на старенький диван, огляделась. Обычная деревенская обстановка – большая кровать в углу, круглый стол, покрытый красивой клеёнкой, старый шкаф. На низкой тумбочке у окна стоял маленький телевизор, мобильный телефон, портативная рация, такую она видела у деревенского участкового.

Вернулась Анна Степановна. Прошла на маленькую кух-

ню, поставила чайник. Олеся сразу заметила, что на кухне стоит небольшая новая газовая плита. Всё в доме указывало на то, что хозяйка живёт здесь недавно. Да и не похожа она на деревенскую.

– Ну, давай садись за стол, немного перекусим и ты мне всё расскажешь. – Анна Степановна села напротив, внимательно глядя на Олесю.

Стесняясь, Олеся робко взяла бутерброд с колбасой, начала есть, запивая горячим чаем. Почувствовала, как она проголодалась. Дома всегда есть нечего было, пока она что-нибудь не приготовит. Да и то это была всегда каша, картошка, макароны, капуста. Вот и весь разносол.

Немного насытившись, Олеся начала рассказывать. Хотела спокойно, но слёзы сами по себе капали на стол.

Анна Степановна молча слушала, пряча заблестевшие глаза и горестно качая головой.

– Да, девочка, нелёгкая жизнь у тебя. Пока поживёшь здесь, а потом что-нибудь придумаем. Кстати, сколько тебе лет?

– Пятнадцать, у меня и паспорт есть. Она достала из заднего кармана мокрых джинсов паспорт, завернутый в полиэтилен.

– Когда же ты успела взять его?

– Да я его ношу уже несколько месяцев с собой. Отчим пообещал съездить, чтобы не вздумала сбежать из дома.

– Так, давай сейчас в баню, потом спать. Завтра подуй-

маем, как нам поступить.

После бани Анна Степановна уложила сонную Олесю на кровать, закрыв большим и лёгким одеялом. Олеся сразу отключилась. Впервые за последнее время уснула спокойно, не боясь никого.

И приснились ей родители – красивые, счастливые, какие они были в той жизни, к которой нет возврата.

Глава 2

Проснулась Олеся от запаха чего-то вкусного. Присела на кровать, чувствуя себя очень неловко. На ней было одето всё не её. Накинула большой пушистый халат, который лежал поверх одеяла.

Дома никого не было. Она походила по комнате, присела за стол. Увидев на столе бумагу, ручку, и машинально, как у неё это бывало всегда, стала рисовать. Сначала Рекса. Потом Анну Степановну. Так увлеклась, что и не заметила, как вошла хозяйка.

– Проснулась? С добрым утром. Как себя чувствуешь?

– Нормально, и голова почти не болит.

– А что это ты пишешь? Рисуешь?

Анна Степановна взяла листок, посмотрела с удивлением.

– Ого, да ты настоящая художница! В художественной школе училась?

– Что вы, какая художественная школа. У нас в деревне всего одна школа, и то только до девятого класса. Так, само получается.

– Очень хорошо у тебя получается. Ладно, давай умывайся. Все удобства во дворе. Потом позавтракаем и поговорим о твоей дальнейшей жизни.

Олеся поднялась и вышла во двор, думая по дороге о своей спасительнице.

Интересно, кто она такая, эта Анна Степановна? Ну, уж точно не деревенская. Одежда у неё вся дорогая, это же сразу видно. Разговаривает резко, властно. Понятно, что не простая женщина. И что она одна в такой глуши делает?!

Навстречу ей выбежал Рекс, виляя хвостом. Олеся погладила его, прошептала: «Спаситель ты мой мохнатый».

На завтрак Анна Степановна приготовила гречневую кашу с грибами. Олеся уже забыла, что можно поесть так вкусно. Мать раньше тоже придумывала разную вкуснятину. Но это было раньше...

– Так, Леся. Можно я буду тебя так звать? Надо ведь сообщить матери, что ты жива и здорова.

– Нет, нет! – испуганно проговорила Олеся, – меня сразу они заберут домой. Не хочу. Я им всё равно не нужна. Они Антошку-то отдали бабушке. А я к кому пойду? Пожалуй-ста, не отдавайте меня. Я вам здесь всё буду делать – полы мыть, стирать, дрова колоть... Я всё умею! – она заплакала. – Мне там никакой жизни не будет, лучше умереть.

Анна Степановна подошла к Олеся, обняла и дрогнувшим голосом сказала:

– Не бойся, я тебя никому не дам в обиду. Я просто сообщу, что ты жива и здорова. И чтобы не искали тебя. Мы здесь проживём лето, а затем уедем в Питер. Тебе надо учиться. Нельзя такой талант зарывать в землю. Нельзя. И так вышло, что я теперь в ответе за тебя перед твоим отцом. Не просто же так он остановил именно меня.

Завтра я поеду в Сосновское, там есть почта. Отправлю телеграмму от твоего имени. А ты побудешь тут с Рексом. Надо ещё продуктов прикупить. И тебе бумагу, краски, кисточки, короче, всё для рисования.

Днём они все вместе пошли в лес. Далеко и не надо было ходить, всё рядом. Никто тут не ходил, кроме Анны Степановны. Собирали грибы, ягоды. Уже поспела земляника. Анна Степановна собирала какие-то травы, складывая все по отдельности.

– Здесь поблизости нет ни заводов, ни дорог. Всё чистое растёт, – она выпрямилась, глубоко вздохнула. – А как дышится! Сразу все беды проходят.

Олеся давно не чувствовала себя такой счастливой. Только иногда закрадывалась мысль, как там мать. Потеряла её или опять с утра ищет, чем опохмелится, забыв про неё.

Но в тот день, когда Олеся сбежала, никто и не вспомнил про неё.

Только на следующий день мать с утра заметила, что дочери нет дома. А когда увидела сломанную дверь в её комнату, заподозрила неладное. Она сразу напустилась на мужа:

– Почему дверь сломана, где Олеся?

Тот сначала отнекивался, но потом признался, что это он сломал дверь.

И только тогда до Ольги дошло. Она вспомнила, как Олеся робко жаловалась на отчима. Но вечно пьяная или с похмелья мать только отмахивалась. Ей стало страшно, когда

она представила, что мог сделать с дочерью Вадим. Ольга пришла в ярость.

Налетела с кулаками на мужа:

– Что ты с ней сделал? Я же знаю, что ты ненавидел её за то, что она напоминала тебе Витю. Но берегись, если с моей дочерью что-нибудь случится! Я тебя уничтожу!

И тогда Вадим виновато признался, что он только сломал дверь. Но Олеся вылезла через окно и убежала в лес.

Ольга подняла на ноги всю деревню. Она искала Олеся, кричала до хрипоты, всё надеясь, что дочь откликнется.

Прошло несколько часов, но поиски не принесли никаких результатов. Обезумевшая Ольга встала на колени и в отчаянии закричала:

– Господи, сохрани мою девочку! Господи, я брошу пить, только не отнимай у меня её!

Только к вечеру два подростка принесли бейсболку Олеси и показали, где она была. Место здесь было глубокое. И все решили, что она утопилась. Все же в деревне видели, что за жизнь у неё.

Ольга кричала так, что слышала вся деревня. Плакали женщины, стоящие во дворе. Деревенские мужики, опустив головы, расходились по домам.

А Ольга в бешенстве выбросила вещи Вадима во двор:

– Ненавижу, ненавижу тебя! Чтоб я больше тебя не видела! Ненавижу себя! Будь проклята эта водка!

Закрылась в доме, никого не пуская. Соседки не расходи-

лись, боясь, как бы она с собой что-нибудь не сделала. Пока она не вышла и не сказала:

– Идите домой, со мной ничего уже не случится. У меня сын, я его не оставлю.

На следующий день хотели вызывать водолазов. Но ближе к обеду по деревне промчалась полицейская машина и остановилась у дома Ольги. Из неё выскочил участковый и забарабанил в дверь:

– Ольга, Ольга, живая твоя дочь. Вот телеграмма пришла.

Ольга рывком открыла двери, схватила телеграмму и прочитав, опустилась на колени:

– Доченька моя жива, жива моя доченька!

Зарыдала так, что участковый испугался:

– Ты что, ведь жива она, жива. Успокойся.

С того дня Ольгу как подменили. Пить она бросила, как отрезала. Но стала нелюдимой и замкнутой. Занялась уборкой в доме. Даже соседи слышали, что в доме что-то гремело и стучало. Работала, как неистовая. Вычистила дом, чтобы ничего не напоминало о прежней жизни. А потом пошла к матери Вадима и забрала сына, пообещав ей, что теперь ни капли спиртного в рот не возьмёт.

Приходил Вадим, виновато потоптался у порога и ушёл, поняв, что она ему никогда не простит того, что он сделал.

Прошло несколько дней. Однажды утром Анна Степановна за завтраком спросила у Олеси:

– Ты как себя чувствуешь, голова не болит?

– Нет, совсем не болит, ссадина только не зажила.

– Тогда сегодня мы ходим в одно место. Я думаю, тебе понравится. Сейчас дам одежду, в твоей по лесу не походишь.

Когда шли мимо пустующих домов, Олеся спросила:

– А здесь давно никто не живёт? Как-то жалко видеть умирающие дома без людей.

– Это ты правильно сказала, умирающие дома. И вся деревня умерла. Я же здесь родилась и выросла. Дом, в котором мы сейчас живём, это дом моих родителей. Многие дома здесь уже просто развалились и заросли так, что и не видно, где были. Мне больно смотреть на это.

Она показала на дом, последний из уцелевших:

– Вот здесь жила бабушка Дарья, такая набожная и очень добрая. Дети у неё, два сына, выросли и разъехались. Сначала редко, но навещали. А потом не стали совсем приезжать. Когда она умерла, даже не знали куда и сообщить. Так и похоронили всей деревней. Дом закрыли, вот и стоит, пока тоже не развалится.

Прошли мимо нескольких развалин старых домов, вышли на небольшое поле, за которым виднелся лес.

– Ещё немного и придём на место, да, Рекс? Он все эти дороги знает. Я иногда немного плутаю, всё равно забываю, да и всё меняется вокруг. А вот он меня отовсюду выведет.

А Рекс радостно носился туда-сюда, что-то вынюхивая по

кустам.

Анна Степановна вдруг остановилась и о чём-то задумалась. Потом решительно сказала:

– Леся, ты не обижайся, но я тебе, наверное, завяжу глаза. Мы пойдём в такое необычное место, о котором никто не должен знать. Хотела просто с тебя взять обещание, но ты слишком молода, чтобы грузить на тебя такую ответственность.

Она одела повязку на глаза Олеся, взяла за руку и повела дальше... Примерно через полчаса остановились, Анна Степановна сняла повязку:

– Ну, теперь смотри.

Они стояли на небольшой возвышенности, поросшей густой травой.

– И что здесь необычного? – спросила удивлённая Олеся.

– Это место силы. Таких мест на земле не так уж много. Вставай на самое высокое место, протяни ладони, что чувствуешь?

– Немного покалывает, и как будто мурашки по всему телу побежали.

– Правильно, ты подпитываешься энергией земли. Тебе сейчас нужно восстановить силы. Слишком много плохого ты видела. Постой спокойно, подумай, чего хочешь в жизни, помечтай. И мне надо подумать. Правильно ли я сделаю, если увезу тебя от матери. У меня ведь никаких прав нет на тебя. Но я искренне хочу помочь. Теперь помолчим.

Олеся, закрыв глаза, прислушалась к себе. Сначала почувствовала лёгкость во всём теле. А потом показалось, что она взлетела над лесом, увидев недалеко небольшое озеро, а чуть дальше мелькнула голубая лента реки.

Открыла глаза, но ощущение парящего полёта осталось. И не поняла, сколько времени она так простояла.

Анна Степановна с улыбкой смотрела на неё:

– Ты как?

– Я как будто летала! – с изумлением ответила Олеся.

– Это хорошо. А теперь пошли обратно, много здесь находиться нельзя. И обещаю тебе, что никто об этом не узнает. А то налетят туристы, истопчут это святое место. Да и родителям слово дала молчать. Что ты почувствовала, что увидела?

Олеся восторженно ответила:

– Я стала такая лёгкая-лёгкая и поднялась так высоко, как птица. И сверху увидела озеро недалеко, а там – она показала рукой – река огибает это место. А отсюда вверх идёт луч света. Может наоборот – сверху идёт вниз. Просто он уходит высоко очень.

Анна Степановна удивленно сказала:

– Незачем тебе глаза закрывать, ты всё увидела правильно. И увидела гораздо больше, чем я. Душа у тебя чистая. И, дай Бог, сохранить тебе эту чистоту на всю жизнь.

Обратно шли, когда солнце уже поднялось высоко. По дороге собирали грибы, ягоды. Олеся бегала наперегонки с

Рексом, смеялась. Она давно не чувствовала себя так легко и непринуждённо. Анна Степановна, улыбаясь, смотрела на неё и радовалась, что девочка приходит в себя.

Когда проходили мимо заколоченного дома бабушки Дарьи, Олеся показалось, что в окне что-то сверкнуло. Она остановилась, испытывая непреодолимое желание зайти в дом. Сказала об этом Анне Степановне. Та, подумав, решительно направилась к дому.

– Думаю, ничего страшного не будет, если мы зайдём и посмотрим.

Подошли к дому. Анна Степановна осторожно ступила на крыльцо.

– Ступай за мной, только осторожней, доски подгнили кое-где.

Дёрнула за ручку, дверь со скрипом открылась. Осторожно зашли в сени, отмахиваясь от паутины, которая липкими нитями цеплялась за руки, лицо.

Анна Степановна открыла дверь в дом. Зашли, осторожно ступая на скрипучие половицы. Олеся с замиранием сердца шла за Анной Степановной.

В доме было светло, несмотря на заколоченные окна – сквозь щели в крыше пробивались тонкие лучи солнца. Белая паутина опутала все стены и потолок. Всё было покрыто многолетней пылью – пол, кровать, старый шкаф, стол.

Олеся, глядя на заброшенное жильё, почувствовала холодный озноб. Такое могильное запустение. Она уже хотела

сказать Анне Степановне, что хочет выйти, как вдруг увидела икону, стоящую на небольшой полочке в противоположном углу. Она была тоже вся в паутине. Но через белое переплетение тончайших нитей ясно и чётко был виден лик Богородицы, освещённый лучом солнца. Она смотрела прямо на неё большими мудрыми глазами. Олеся как замороженная шагнула вперёд, не боясь, что пол может провалиться. Страх сразу исчез. Она сняла икону, бережно смахнула рукой паутину и пыль. Прижала к себе.

– Моя бабушка говорила, что иконы должны жить среди людей. Мы её заберём, да? А то дом рухнет, и икона вместе с домом. Это неправильно, это плохо.

– Конечно, конечно, – проговорила изумлённая Анна Степановна. – Давай осторожно выходим.

Они вышли из дома.

И такой был разительный контраст между пыльным, запустелым домом и сияющим летним днём, что обе облегчённо выдохнули.

Анна Степановна, задумчиво глядя на Олеся, сказала:

– Мы с тобой знакомы всего несколько дней, а ты меня всё больше и больше удивляешь. Вокруг тебя постоянно что-то происходит невероятное. Я многое повидала в жизни, но впервые с таким сталкиваюсь.

А Олеся, прижав икону к себе, только застенчиво улыбалась.

– Дай посмотрю, что это за икона. Это икона Казанской

Божьей Матери. Береги её. Не зря она тебя позвала. Я же столько раз проходила мимо, но ни разу не видела ничего.

Дальше они пошли молча, каждая думая о своём. Даже Рекс бежал рядом, не бегая по сторонам, как обычно.

Вдруг сзади раздался грохот. Они обернулись и увидели, что крыша дома, в котором они только что были, рухнула внутрь дома. Поднялся большой столб пыли. Зазвенели выпавшие из рам стёкла.

Изумлённые Анна Степановна и Олеся молча смотрели на пыльное облако. Когда пыль немного улеглась, перед ними предстали одни бревенчатые стены с пустыми окнами.

– Послушай, прошло ведь не больше пяти минут, как мы с тобой вышли оттуда, – Анна Степановна была потрясена. – О, Боже! Если бы мы немного задержались, нас бы накрыло этой крышей. И вряд ли мы остались живы. А может, Богородица просто ждала, чтобы мы икону спасли, да, Леся?

Олеся только растерянно кивнула, не находя слов от удивленного.

До дома дошли, не проронив ни слова, потрясённые до глубины души.

Молча зашли в дом, сели за стол. Произошедшее сегодня с ними выбило из равновесия даже Анну Степановну. Она считала себя натурой уравновешенной и сдержанной на всякие эмоции. Но сегодняшние события никак не укладывались в её голове. То, что происходило на её глазах, выходило

за границы реальности и здравого смысла.

А Олеся, и так жившая в последнее время в постоянном стрессе, была почти в шоковом состоянии.

Испытать такую эйфорию на месте силы и потом чуть не погибнуть под завалом старой крыши?! Какой-то кошмар.

"Но ведь мы спасли икону. Значит, это стоило того." От этой мысли Олеся внезапно успокоилась. Подняла икону, посмотрев в глаза Богородице.

Как же она смотрит – сострадательно, с любовью и нежностью. Как мама раньше, успокаивая её после какой-нибудь детской обиды. Но это было, когда был жив отец.

Олеся горько заплакала, прижав икону к себе.

– Ну, почему, почему нельзя вернуть ту беззаботную жизнь? Почему так больно всё вспоминать? – в отчаянии сказала Олеся.

– Ну что ты, девочка моя, успокойся! – Анна Степановна обняла её, заплакав вместе с ней.

– Всё будет хорошо, поверь мне.

Поплакали, обнявшись. Потом понемногу успокоились.

– Ну, хватит. Давай не будем больше слёзы лить! – решительно сказала Анна Степановна, придя в себя. – И вообще, надо приготовить что-нибудь поесть. Не хватало нам с голоду ещё умереть. Да и Рекс голодный. У нас же есть грибы, сейчас почистим картошку, лук. Я обожаю жареную картошку с грибами. А ты?

– О, это любимая папина еда. И моя тоже.

Уже сидя за столом, Олеся спросила Анну Степановну:

– А у вас есть семья – муж, дети?

– Муж... был. Мы в разводе. Есть сын Никита, но он уже семь лет живёт в США. Женился там. Я его не видела пять лет. Есть внучка Маша, ей 4 года. Она плохо говорит по-русски. Конечно, мы общаемся по интернету, но мне так хочется обнять её, поддержать на руках. Этого меня лишили.

Когда сын закончил институт, муж предложил переехать в США. Я сразу отказалась. Мои родители были ещё живы тогда. Я у них единственная дочь. Как их бросить здесь? Да и мне не хотелось жить в чуждой стране. А муж уговорил сына уехать с ним. Сказал, что куда мать денется, если мы оба там будем. Всё равно приедет к нам. А сам уже через год женился. Так вот я одна и осталась.

Родители, конечно, тогда меня уговаривали уехать вместе с семьёй. Но я же понимала, что они хотят, чтобы мне было хорошо, не думая про себя. А в глубине души, наверное, боялись остаться одни. Но я бы всё равно не смогла оставить их. Отец уже тогда болел. Да, если бы я уехала тогда, что было бы с ними здесь, не представляю. Я уговаривала их ко мне переехать в Питер, но они ни в какую. Отец, как отрезал, сказав, что будет умирать только дома. Так оно и вышло. Он умер через полгода после отъезда моей семьи. Я маму увезла к себе в Питер, но она так тосковала по отцу, по дому. Невыносимо было смотреть на неё. Конечно, там для неё всё было чужое. Но ведь и я тоже не могла с ней

жить в деревне. И оставить её одну тоже никак. Если бы были соседи какие-нибудь. В тех домах, которые уцелели, тогда жили две бабушки, но их тоже забрали дети к себе.

Анна Степановна заплакала, закрыв лицо руками.

– Год она прожила со мной. Похоронила я её здесь, рядом с отцом, как она и хотела.

– Но вы ещё не старая и красивая. Почему ещё раз не вышли замуж? Вот как моя мама.

– Не встретила человека по душе, наверное. Или может я слишком требовательная, не знаю.

Они сидели и разговаривали друг с другом как равные, две души, раненные одиночеством.

Анна Степановна рассказывала про свою жизнь. Никогда она не была так откровенна ни с кем. А Олеся, подперев рукой подбородок, слушала, спрашивала, глядя внимательными, сочувствующими глазами.

Анна Степановна удивлялась сама себе. Она так откровенничала всего лишь с пятнадцатилетней девочкой. Но у этой девочки были такие понимающие глаза, что казалось, перед ней сидит взрослая мудрая женщина.

"Как, наверное, здорово иметь такую дочь, – подумала Анна Степановна, – всё она понимает. Иной раз поделишься с какой-нибудь приятельницей, и то не получишь такого искреннего сочувствия и понимания. Наверное, дело не только в том, что девочка много испытала, а в особом таланте сострадания. Редкий талант."

Анна Степановна рассказывала про свою одинокую жизнь. Когда ещё были живы родители, она старалась почти каждые выходные навещать их. По хорошим дорогам расстояние в 160 км не проблема. Но приходилось ведь добираться и по просёлочным дорогам. Когда было сухо, доезжала до своей деревни на машине. Благо, что у неё был внедорожник. А в ненастные дни оставляла машину у дальних родственников в Сосновском. Дальше на лодке по реке. Дорога изматывала, но зато некогда было думать о своём одиночестве. А в будние дни – одна работа. Допоздна.

Но в этом году она взяла отпуск за два года. Не стала слушать советы коллег по работе провести отпуск где-нибудь на море за границей. Захотелось тишины, отрешённости от суеты. Она хотела сходить на то место силы, где она черпала энергию и спокойствие одновременно. Там мысли её приходили в равновесие, душу наполнял покой. Уныние уходило, и снова хотелось жить.

Родственники из Сосновского предложили взять с собой Рекса. Они подкармливали его, но у них была своя собака. А этот был ничей. Наверняка у него были хозяева когда-то, потому что команды он понимал и выполнял беспрекословно. Анна Степановна сначала не хотела его брать, но потом подумала, что защитник ей не помешает. И не пожалела ни сколько. Такой умный пёс оказался.

Анна Степановна с иронией думала, что с собаками иногда лучше общаться, чем с людьми. Они не лезут со своими

советами, молча выслушают, всегда защитят, не предадут.

Да, если бы не Рекс, то разве она увидела лежащую в лесу Олесю?

– А ведь получается, что я приехала сюда в отпуск совсем не зря. Здесь моё одиночество закончилось. Теперь у меня есть ты, Леся, и ещё Рекс. Мы его здесь не оставим, возьмём с собой. Свожу его к ветеринару, сделаем все необходимые прививки. И будем жить втроём.

Олеся молча кивнула. Её овладевало двоякое чувство. С одной стороны, здорово жить в Петербурге, учиться там живописи. Она же мечтала об этом всю свою сознательную жизнь.

С другой стороны, уехать от матери, братишки, с родных мест. Да и с посторонней женщиной. Немного страшновато.

Олеся глубоко вздохнула: «Но дома точно никакой жизни не будет, а, тем более, учёбы. Нет, и Анна Степановна уже совсем мне не чужая. Добрая она. И одинокая, такая же, как и я».

– Знаешь, Леся, мы не зря встретились. Помогая друг другу, мы с тобой горы свернём, да? – Анна Степановна внимательно посмотрела на Олесю.

– Вы, конечно, мне помогаете, а я-то чем вам помогаю? – Олеся недоуменно пожала плечами.

– Да ты даже не представляешь, как! – горячо воскликнула Анна Степановна. – Я как будто заново жить начинаю. У меня теперь цель – помочь тебе. И ради этого я горы

*сверну. Я считаю, что главное для человека – быть кому-то
нужным. А то, что с нами произошло, это для того, чтобы
мы больше ценили жизнь, человеческие отношения.*

Глава 3

Олеся, глядя на Анну Степановну, удивлялась её перемене. Она стала улыбочивая, разговорчивая, и казалась гораздо моложе, чем раньше.

– Вы такая красивая, даже в такой одежде. Представлю вас в таком длинном платье. Вы очень красивая, – не удержалась Олеся.

– Да?! Я теперь всегда буду красивая – и в такой одежде, как сейчас. И когда надену длинное платье – буду королевой, – она засмеялась, а потом серьёзно сказала – Нам с тобой надо заняться вот каким делом – насобирать грибов, лучшие белых, травы разной для чая и всё посушить. Как будет приятно зимой вдыхать запахи лета. У меня отпуск ещё целый месяц, но нам надо пораньше приехать, чтобы тебя устроить.

И началась заготовка на зиму. Они ходили в лес, собирали грибы, травы, ягоды. Даже Рекса научили искать, дав понюхать белый гриб. Он, найдя гриб, садился около него и лаял. Такой умница!

Потом садились чистить грибы. Но часто Олеся, задумавшись о чём-то, брала в руки карандаш, бумагу и начинала рисовать Анну Степановну, Рекса, всё вокруг, что привлекало её внимание.

Анна Степановна старалась не отвлекать её, только удив-

лялась тому, как быстро мелькает карандаш в её руке, и как растёт стопка рисунков. Просматривая каждый день эти наброски, удивлялась каждый раз, как тонко она подмечает малейшее настроение. Какие-то небольшие штрихи – и взгляд выражал, казалось, всю душу. Да, этой девочке Бог дал большой талант.

Как-то Анна Степановна заметила несколько набросков, лежащих на подоконнике отдельно от всех. Посмотрела. На одном – портрет отца Олеси, его она сразу узнала. Тогда, на берегу реки, она в бинокль хорошо его разглядела. Красивый мужчина – густая шевелюра, прямой нос, чётко очерченные губы, добрые глаза, ямочка на подбородке. От портрета исходила сила, спокойствие, уверенность.

Два других – видимо, матери. Хотя изображён был один человек, но как-будто просто похожие люди. На одном рисунке – счастливая, смеющаяся молодая женщина. Большие, озорные глаза. Белозубая улыбка. От неё веяло счастьем, лёгкостью, жизнерадостью.

На втором – та же женщина, но угрюмая, равнодушная. Боль, уныние и безнадёжность в глазах.

У Анны Степановны комок к горлу подступил. Как будто боль этой женщины, потерявшей своего любимого, передавалась ей. Навернулись слёзы.

Ещё рисунок маленького мальчика, вихрастого, с большими растерянными глазами. Это, конечно, Антошка, братишка Олеси.

Анна Степановна положила рисунки на место.

Как юной девочке удаётся так уловить и выразить в простом рисунке чувства человека?! У смотрящего на эти наброски возникают те же самые эмоции и чувства, которые выражены на портрете. Как будто художница вложила в нарисованное столько энергии, что она передаётся тому, кто смотрит на них. А ведь это только наброски карандашом. А что будет, когда она возьмёт в руки кисть и краски? Когда изображение будет ярким, многоцветным и более приближённым к реальности?

Анна Степановна впервые подумала, что у Олеси не просто талант художника. У неё магические способности и они выражаются через живопись. Она, конечно, этого совсем не понимает. Говорит, что всё само собой получается.

Внезапно Анна Степановна поняла, какую огромную ответственность она берёт на себя – дать возможность вырасти этому таланту. И ей стало не по себе.

В глубоком волнении она воскликнула:

– Господи, подскажи, как мне помочь этой девочке! Господи, и помоги оградить её от всякого зла!

Прошло почти три недели. Олеся хорошо отдохнула, успокоилась и уже выглядела обычной девчонкой – смешливой и беспечной.

Как-то утром Анна Степановна сказала:

– Завтра с утра пойдём ещё раз сходим на наше место силы. Потом соберём вещи и на следующий день тронемся

в дорогу.

Олеся сразу изменилась в лице. Ей уже стало казаться, что так, как они живут здесь, будет всегда. А теперь заканчивается эта беспечная жизнь. И что там будет впереди, Олеся не знала. Она боялась этой неизвестности, хотя полностью доверяла Анне Степановне.

Видя, как сникла Олеся, Анна Степановна подошла к ней, обняла за плечи, посмотрела в глаза:

– Не волнуйся, всё будет хорошо. Знаешь, все нормальные люди боятся перемен в своей жизни. Но ведь жизнь остановится, если не будет движения. Представь себе, я тоже волнуюсь не меньше тебя. Но мы с тобой всё выдержим, так ведь?!

Олеся утвердительно кивнула, подумав про себя: "Хуже точно не будет".

На следующее утро отправились знакомой дорогой в заветное место Анны Степановны. Шли молча, каждая думая о своём. Даже Рекс спокойно шёл рядом.

Встали на зелёный пригорок, закрыли глаза. Сколько времени простояли, непонятно.

Первой заговорила Анна Степановна:

– Леся, ты опять летала?

– Нет, я просто поняла, что правильно ехать с вами. И ещё, что с мамой и братиком тоже всё будет нормально. Я теперь не боюсь ничего.

– Да, и мне пришло решение. Я точно знаю, как мне по-

ступить, чтобы моя душа была спокойна. Все мои сомнения здесь развеялись. И теперь я полна сил и решительности. Как же я благодарна природе, что она создала такое чудесное место!

Обратно шли, воодушевлённые и успокоенные. Исчезли все сомнения.

Дома стали укладывать все свои заготовки. Когда собрали всё, оказалось, что они хорошо потрудились.

Анна Степановна засмеялась:

– Ничего себе, с голоду точно не умрём. Никогда я столько не привозила в Питер.

На следующее утро встали пораньше. Позавтракали. Вынесли все вещи на улицу. Анна Степановна закрыла дом на замок.

Рекс обеспокоенно бегал вокруг, поскуливая и заглядывая в глаза.

– Бедный ты мой, боишься, что мы тебя оставим? Нет, нет, ты с нами поедешь. Разве я тебя могу оставить? – Анна Степановна ласково погладила пса. И он всё понял своим собачьим чутьём и стал радостно носиться по двору.

Нагрузившись поклажей, они пошли к реке. Здесь Анна Степановна вытащила лодку, спрятанную в прибрежных кустах, погрузили всё. Рекс, как всегда, запрыгнул первым и сел на своё излюбленное место.

– Ну, что поехали? – Анна Степановна завела мотор, и лодка рванула по реке.

Плыли минут двадцать-двадцать пять. Вот впереди на берегу реки показались дома. Анна Степановна направила лодку к небольшому деревянному причалу.

– Всё, приехали, выходим и разгружаемся.

Поднялись по небольшой деревянной лестнице и направились по деревенской улице.

Олеся с интересом разглядывала незнакомую деревню. А Рекс радостно носился туда-сюда, узнав знакомое место.

Подшли к большому дому. Анна Степановна открыла калитку, крикнув:

– Дома кто есть?

Из дома торопливо вышла пожилая женщина:

– Анечка, ты что же не позвонила? Проходите в дом.

– Нет, тётя Валя, мы сразу поедем, времени у нас мало.

Анна Степановна подошла к большой машине, стоящей во дворе. Открыла багажник.

– Давайте всё сложим сюда. Леся, садись и пристёгивайся. Рекс, сюда! – она похлопала по заднему сиденью машины.

Рекса не пришлось долго уговаривать. Он запрыгнул и сразу сел, как будто не в первый раз.

Анна Степановна попрощалась с женщиной и села за руль.

– Ну, ещё заедем в одно место и домой.

Олеся молча смотрела на мелькавшую дорогу. Для неё начинался новый этап жизни и на душе было спокойно.

Внезапно машина остановилась перед развилкой дорог. На дорожном знаке было написано "деревня Покровка". Ан-

на Степановна решительно повернула машину и поехала туда, куда показывал дорожный знак. Увидев удивлённые глаза Олеси, она решительно сказала:

– Тебе обязательно надо повидаться с матерью. Какая бы она не была, она мать. Да и по брату своему, наверное, ты соскучилась, да, Леся? Иначе я не смогу жить спокойно. Я ведь тоже мать, и знаю, что она может чувствовать.

Анна Степановна посмотрела на Олесю. Та, опустив глаза, молчала. Только слезинки покатались по щекам.

– Не переживай, там никто не посмеет тебя обидеть. Мы только увидимся с твоими близкими и поедем. Пойми, девочка моя, хуже всего во всех отношениях это недосказанность. Мы ведь не убегаем, так ведь? Ты просто едешь учиться. И матери, я думаю, это важно знать. Ведь она у тебя не совсем пропащая, да? Не плачь, я уверена, что мы всё делаем правильно.

Олеся только согласно кивала головой, не переставая безмолвно плакать.

До деревни доехали быстро.

– Давай показывай, куда ехать, – Анна Степановна сбавила скорость.

Подъехали к дому Олеси.

– Давай зайдём вместе. Не надо ничего бояться. Это же твой дом.

Олеся робко открыла калитку. Чистота во дворе её удивила. Матери и отчиму обычно было не до чистоты в доме,

а тем более во дворе.

Из дома сначала выскочил рыжеволосый мальчуган и закричал:

– Леся, Леся пришла!

Бросился к Олесе на шею и так крепко обнял её, что Олесе дрогнувшим голосом сказала:

– Антошка, ты меня задушишь!

Она не видела, как из дома вышла мать, только услышала голос Анны Степановны:

– Здравствуйте, Ольга.

Мать с побелевшим лицом подошла к Олесе и опустилась перед ней на колени.

– Доченька моя, прости меня, прости меня Христа ради...

Заплакала навзрыд, обхватив Олесю.

– Мама, мама, не надо. Всё хорошо, всё хорошо, – говорила Олесе, плача вместе с матерью.

– Всё, надо успокоиться, – Анна Степановна подняла Ольгу с земли, – Давайте зайдём в дом. Надо поговорить. Не здесь же разговаривать.

Ольга вопросительно посмотрела на неё заплаканными глазами.

– Мама, это Анна Степановна. Это она... меня спасла.

Зашли в дом. Олесе заметила, что и дома был порядок и чистота.

Мать суетливо бегала по дому. То бросалась ставить чай-

ник, то снова бросалась к Олесе. Пока Анна Степановна, обняв её за плечи, не усадила на старенький диван.

Олеся села рядом, обняла мать. Антошка тоже сел, прижавшись к Олесе.

– *Мам, а где... этот?*

– *Нет здесь "этого", и никогда больше не будет. Как же я виновата перед тобой, дочка, – она снова заплакала. – Никогда себе не прощу. Знаешь, я теперь не пью. Тогда какое-то затмение на меня нашло. Наверное, потому что я так сильно любила твоего отца. Для меня его смерть была каким-то кошмаром. И я забыла про тебя, забыла, что ты его дочь. Прости меня, если сможешь.*

Она рассказала о том, что произошло, когда пропала Олеся.

Анна Степановна молча выслушала, потом сказала:

– *Видишь, Олеся, не зря мы заехали.*

Она не стала рассказывать, где и как она нашла её дочь. Зачем добавлять страданий этой женщине.

– *Ольга, Лесе надо учиться живописи. Вы сами это понимаете. У неё такой талант, редкий талант. Я живу в Петербурге и у меня есть возможность помочь ей получить образование. Не бойтесь за неё. Я всё сделаю, что в моих силах.*

Ольга, глядя на неё просветлевшими глазами, только согласенно кивала головой.

Обратно ехали, молчаливые и задумчивые. На перекрёст-

ке, остановив машину, Анна Степановна спросила Олесю:

– Ну, ты успокоилась?

В ответ Олеся порывисто обняла её:

– Спасибо Вам. Вы такая... такая хорошая!

До Питера ехали без остановок. Олеся, видимо окончательно успокоившись, сразу уснула.

Анна Степановна, поглядывая на неё, думала, как всё же хорошо, что заехали к её матери. Теперь без всяких сомнений можно увезти Олесю в Питер, не мучаясь угрызениями совести.

Она оставила свой номер телефона Ольге и обещала, что в свободное время будет привозить Олесю домой.

Глава 4

Когда стали уже подъезжать к Питеру, Олеся открыла глаза:

– *Уже подъезжаем?*

Рекс на заднем сиденье сел и широко зевнул.

Анна Степановна засмеялась:

– *Ну, вы и сони, всю дорогу спали.*

Олеся во все глаза смотрела по сторонам. Она впервые была в Петербурге, хотя он совсем недалеко от их деревни. Отец всё обещал её свозить, но так и не получилось.

Анна Степановна сказала:

– *Я живу в южной части города. Мы когда покупали квартиру, выбрали поближе к моим родителям.*

Проехав ещё минут двадцать, машина свернула во двор и остановилась возле одной из парадных высокого светлого дома.

– *Всё, приехали, выгружаемся. Рекс, рядом.*

Поднялись на лифте на восьмой этаж.

Анна Степановна открыла дверь:

– *Вот мы и дома. Заходите.*

Олеся неуверенно зашла в квартиру, огляделась. Ей понравилось – очень светло и просторно.

Анна Степановна распахнула дверь одной из комнат:

– *Это была комната Никиты, теперь – твоя. Нечего пу-*

ствовать ей столько лет. У Никиты в Америке большой дом сейчас.

– А это тебе, Рекс, будешь спать здесь.

Она достала небольшой коврик и постелила в прихожей.

Пили чай на просторной кухне. Анна Степановна, накрывая на стол, сказала:

– Сейчас примем душ, немного передохнём и поедem в магазин. Тебе, Олеся, нужна одежда. Рексу – поводок, ошейник у него есть. Потом – за продуктами.

В магазине Олеся чувствовала себя неловко. Анна Степановна деловито оглядела Олеся, принесла ей целый ворох одежды, заставив всё перемерять. Олесе уже почти забытый запах новой одежды напомнил времена, когда она с родителями ездила в город за покупками.

На её робкие попытки сказать, что это дорого, Анна Степановна ответила:

– Это будет мой подарок тебе. Знаешь, подарки делать куда приятнее, чем получать. Я давно ни о ком не заботилась, а мне так этого хотелось. Не лишай меня этого удовольствия.

Затем зашли за продуктами. И наконец поехали домой.

Анна Степановна, пересматривая покупки, сказала, что теперь по утрам, если, конечно погода позволит, будем бегать. Нам польза и всё равно Рекса надо выгуливать.

На следующее утро так и сделали. Олеся с удовольствием одела новый спортивный костюм. Рексу прицепили пово-

док. Утро было ранее, прохожие попадались редко. Бежали по какой-то зелёной аллее.

Вдруг Рекс остановился, что-то почуяв. Потом рванул поводок так, что Анна Степановна не смогла удержать и выпустила его. Рекс, громко лая, помчался к какому-то мужчине, который шёл вдали аллеи навстречу им. Анна Степановна, громко крича:

– Рекс, стой, стой! – побежала за ним.

Олеся, ничего не понимая, устремила за ними.

Когда они добежали, то увидели, что Рекс радостно повизгивая, стоя на задних лапах, облизывал лицо мужчины. А тот, обнимая Рекса, со слезами на глазах, приговаривал:

– Гром! Ты мой дорогой Гром, где же ты пропал столько времени? Ах ты пёс мой дорогой!

Анна Степановна с удивлением спросила:

– Это что – Ваша собака?

Мужчина, вытирая глаза, взволнованно ответил:

– Да, это мой Гром. А у Вас как он оказался? Я же его потерял в Новгородской области. Давайте присядем. Мне ещё тяжело стоять.

Только тут Анна Степановна заметила у него трость, на которую он опирался.

Присели на ближайшую скамейку.

Николай Иванович, как он представился, рассказал свою историю.

– В начале мая я возвращался из Новгорода, куда ездил к

сыну в гости. И где-то на полпути попал в аварию. А был вместе с Громом. Очнулся уже в больнице. Стал спрашивать о собаке, но никто ничего не знал. Почти месяц лежал в больнице. А когда вышел, ездил на место аварии. Объездил все близлежащие деревни, но так и не нашёл Грома. Сын размещал объявления в интернете. И тоже никаких результатов. Я уже и не надеялся найти его. Он же у меня с двухмесячного возраста. Моя родная душа.

Он погладил пса, который положив голову ему на колени, смотрел на него преданными счастливыми глазами.

Анна Степановна рассказала, как Рекс попал к ним.

Посмотрела на Олеся:

– Жаль с ним расставаться... Но мы рады, что Вы нашли своего Грома.

Олеся, присев на корточки, обняла собаку, смахнула слёзы на глазах:

– Пока, Рекс. Я тебя никогда не забуду.

Николай Иванович оживлённо сказал:

– Так мы же можем встречаться. Я здесь недалеко живу.

Они обменялись телефонами. И разошлись в разные стороны.

Анна Степановна и Олеся долго смотрели им вслед. Гром-Рекс иногда останавливался, оглядываясь назад, но потом снова бежал за своим хозяином.

Домой пришли немного расстроенные. Казалось бы, очень хорошо, что Рекс встретил своего хозяина. Но они уже

так привыкли к нему.

Сели завтракать. И аппетит что-то пропал у обеих.

Олеся, вздохнув, сказала:

– Я буду скучать по Рексу. Хотя интересно так они встретились, прямо как в кино. Случайная встреча.

Анна Степановна задумчиво ответила:

– А знаешь ли ты, что случайность – это непознанная необходимость? Может, эта встреча была предрешена сверху. Необходимая для нас или для них, а может быть для всех нас. Жизнь покажет. Но после встречи с тобой, я уже перестаю удивляться тому, что происходит вокруг нас. И теперь меня уже волнует вопрос, что несёт эта встреча нам?

Олеся вопросительно посмотрела на неё. Она не очень-то поняла, что сказала Анна Степановна.

– Жаль, конечно, что с нами не будет Рекса. Я очень к нему привязалась. А ведь раньше я категорически была против собаки в доме. Никита как уговаривал меня завести хоть маленькую собачку. Да, время идёт, и мы меняемся.

После завтрака Анна Степановна сказала:

– Леся, мне надо съездить на работу часа на два-три. Ты не скучай одна. Смотри телевизор. Есть захочешь, в холодильнике найдёшь что-нибудь. Вот ещё тебе бумага, карандаши, рисуй.

Олеся, оставшись одна, походила по комнате, вышла на балкон, глянула вниз и отшатнулась – страшно. Потом по-

смотрела вокруг – красота! Город раскинулся перед ней во всей красе. Внизу по улице двигалось два потока машин. Люди куда-то торопливо шли. Дальше Олеся увидела ту самую аллею, по которой они бегали с Анной Степановной, и где встретились с хозяином Рекса, точнее, Грома. Вспомнила Николая Ивановича. Интересно, кто он такой? Руки уже потянулись к бумаге и карандашу. Стала по памяти рисовать нового знакомого.

Крупное лицо, короткая стрижка, серые умные глаза, волевой подбородок, свежий небольшой шрам на левой щеке. Олеся быстро набросала портрет хозяина Грома. Он производил очень приятное впечатление. Потом нарисовала бегущего Грома, когда он почувял своего хозяина. А потом всех, когда они сидели на скамейке.

Олеся и не заметила, как вошла Анна Степановна, удивившись, что так она быстро вернулась. А оказалось, что прошло три часа с лишним.

Анна Степановна посмотрела все её рисунки, покачала головой:

– Как же ты много нарисовала. А я тебе тут краски, кисти, бумагу купила. И ещё, звонил Николай Иванович, приглашал в гости к себе. Но я решила, что лучше к нам. Он ещё до конца не выздоровел после аварии, а мы с тобой быстренько приготовим ужин. Рексу, ой, Грому я тоже угощение приготовила.

Ровно в 6 часов в дверь позвонили. Анна Степановна от-

крыла дверь. Гром первым влетел в квартиру, радостно лая. Обрадованная Олеся обняла его за шею:

– Ты мой лохматый спаситель! Я по тебе уже соскучилась!

Николай Иванович, поздоровавшись, протянул Анне Степановне букет цветов, Олесе – коробку с тортом.

За ужином он рассказал о себе. Он работает главным архитектором в строительной компании. Овдовел шесть лет назад. И чтобы не было так одиноко, он тогда и взял Грома двухмесячным щенком.

Сын живёт в Новгороде, женат, двое детей.

Анна Степановна коротко рассказала о себе. Олесю представила племянницей, которая приехала учиться. Она показала её последние рисунки.

Разглядывая рисунки, Николай Иванович удивлённо сказал:

– До чего выразительно и точно ты отразила все эмоции. Кто тебя так научил рисовать, Олеся?

– Никто не учил, само всё получается, – смеясь, ответила за неё Анна Степановна.

– Знаете, у меня есть приятель, мы с ним учились вместе. Он потом увлёкся живописью и сейчас довольно успешный художник. Можно я ему покажу твои рисунки, Олеся?

– Это было бы замечательно. Он может и посоветует, где Лесе лучше учиться, – обрадованно сказала Анна Степановна.

Уже потом, когда Николай Иванович с Громом ушли, Анна Степановна, улыбаясь, сказала:

– Ну, что, Леся, будем ждать дальше результатов нашей случайной встречи?

Николай Иванович с Громом ушли. Анна Степановна задумчиво сказала:

– Будем ждать оценку твоих работ от настоящего художника. Надеюсь, Николай Иванович не будет тянуть с этим делом.

Потом оживилась:

– А давай мы завтра съездим в центр города на Невский проспект, например. Посмотришь старый Питер, я думаю, тебе понравится.

Утром позавтракали. Стали собираться. Олеся, выглянув в окно, сказала, что на улице дождь.

– Ничего страшного, просто одеваемся по погоде, пока мы добираемся, он пройдёт.

Осмотрела уже одевшуюся Олесю и осталась довольна. Ветровка, джинсы, кроссовки, всё сидело на ней великолепно.

А Олеся, хоть и чувствовала себя неловко в новой одежде, но в душе была просто счастлива. Она так хорошо не одевалась никогда. Анна Степановна, конечно, понимала её чувства. В таком возрасте девчонкам так хочется красиво одеваться, нравиться мальчикам.

– Так, едем до метро на машине, а потом на метро. С

этими пробками на дорогах на машине быстро не доберёшься. Ты в метро ведь тоже ни разу не была?

– Нет.

– Ну, вот и посмотришь сразу.

Для Олеси всё было новое и интересное – эскалаторы, поезда, станции метро. Удивляло такое количество людей. Она схватила Анну Степановну за руку, боясь потерять её в толпе. Наконец, на эскалаторе поднялись наверх. Олеся с облегчением вздохнула.

И наверху тоже было людей не меньше. Тут уж Анна Степановна взяла её за руку, потому что Олеся, глядя по сторонам, то и дело спотыкалась.

Шли не торопясь. Анна Степановна рассказывала, что сама помнила про исторические здания, памятники. Дошли до Екатерининского сквера.

Анна Степановна загадочно сказала:

– Сейчас ты увидишь, как много здесь художников. Здесь прямо на улице можно посмотреть картины, купить понравившуюся. Если захочешь, то нарисуют твой портрет сразу на месте.

Они пошли вдоль рядов выставленных картин, портретов. А художники – мужчины и женщины разных возрастов и комплекций – стояли рядом со своими работами.

Неожиданно Анна Степановна остановилась возле пожилого седого художника с длинными волосами, собранными в пучок. Что-то тихо сказала ему, показывая на Олеся. Он от-

рицательно помотал головой. Она опять что-то сказала. Он немного подумал и таким густым басом сказал, глядя на Олеся:

– Подойди-ка сюда, деточка.

Олеся, смутившись, подошла.

– Твоя тётя сказала, что ты неплохо рисуешь и хочешь попробовать кого-нибудь нарисовать. Нарисуй меня для начала.

Олеся ещё больше смутилась, но взяла карандаш и бумагу, присела на маленький раскладной стульчик. Посмотрела внимательно и, взяв карандаш в руки, забыла про всех. Опомнилась, когда портрет был готов. Она протянула его художнику. Тот взял рисунок, долго и пристально рассматривал себя на рисунке.

– Никто меня не увидел так, как ты. Деточка, я снимаю шляпу перед Вами. Да Вы – талантище. Эх, какая смена растёт, – рокоцущим басом с пафосом воскликнул он.

Потом протянул ей тысячную банкноту:

– Я покупаю у вас свой портрет.

– Нет, что Вы! – в голос воскликнули Анна Степановна и Олеся.

– Без возражений, – отрезал художник, – И пожалуйста, оставьте здесь в уголке свой автограф. Он протянул Олеся рисунок. – Думаю, придёт время, и этот портрет будет стоить гораздо дороже. Это я вам говорю, Эдуард Бессонов.

Ошеломлённая Олеся и довольная Анна Степановна по-

шли дальше вдоль рядов картин.

Анна Степановна, рассмеявшись, сказала:

– Вот и твой первый заработок! И это прекрасно, когда то, что ты любишь делать, приносит тебе ещё и деньги.

Пошли обратно на Невский проспект. Внезапно Олеся, повернув голову, спросила:

– А что там такое?

– Где?

– Вон там, такой столб света идёт вверх. Да, мы же с той стороны шли от метро сюда.

– Я ничего не вижу. Ну, мы сейчас пойдём и посмотрим.

Они направились обратно к станции метро, откуда вышли.

Олеся шла уверенно, уже не глаза по сторонам.

Дошли до метро.

– Я ничего не вижу, – недоумевала Анна Степановна.

– Да вот же, чуть подалее, за этими домами.

– За этими домами? Там находится Казанский собор. Зайдём сейчас обязательно. Посмотрим, что за свет там такой. Никогда не видела.

Прошли ещё немного вперёд, и тут Олеся увидела впереди огромные колонны, а левее, позади них в небо уходил столб света.

Анна Степановна взяла её за руку, подвела к собору.

– Вот это Казанский собор, где находится икона Казанской Божьей Матери. А ты тогда в доме бабушки Дарьи

такую же нашла. И где ты видишь столб света?

Олеся, остановившись перед величественным зданием собора, восхищённо ответила:

– Какой красивый и огромный! И свет идёт прямо из собора вверх, – она задрала голову. – Очень высоко, я не вижу, где он кончается.

– Давай зайдём внутрь. Надевай капюшон на голову, женщинам нельзя с непокрытой головой находиться в храме. А платки мы не взяли.

Когда зашли внутрь, Олеся онемела от величия здания и красоты убранства собора. Она была раньше в небольшой церкви в своём районном центре. Но то, что она увидела здесь, потрясло её до глубины души.

Прошли вперёд. Вокруг были иконы с ликами святых. Но свет шёл от иконы, которая была впереди. К ней стояла очередь.

Анна Степановна тихо сказала Олеесе:

– Эта очередь к иконе Казанской Божьей Матери. Давай тоже постоим.

Олеся так же тихо ответила:

– Это от неё идёт свет вверх.

Выстояли очередь. Когда Олеся подошла к иконе, она увидела знакомые мудрые глаза, полные любви и сострадания. Почему-то вспомнила отца, мать, Антошку и всё, что произошло с ней в последнее время. Еле сдержала себя, чтобы не зарыдать в голос. А слёзы так и хлынули из глаз. Закрыв

лицо руками, содрогаясь от рыданий, Олеся отошла от иконы.

Анна Степановна, увидев состояние Олеси, обняла и вывела из собора.

Молча посидели на скамейке. Потом Анна Степановна сказала:

– Давай успокоимся. Я тоже сейчас очень разволновалась. Какая же сила исходит от этой иконы! Наверное, не зря ты видишь столб света. И хотя не все его видят, но икона действительно очень сильная. И время это показало. Ей ведь молились во все тяжёлые для Руси времена. И она всегда помогала.

Приедем домой, я в интернете тебе покажу всё, что известно о ней.

А сейчас едем домой. На сегодня, я думаю, тебе впечатлений достаточно.

Глава 5

Домой добрались быстро. Олеся уже успокоилась и снова превратилась в обыкновенную смешливую девчонку. Анна Степановна спросила у неё, почему она расплакалась перед иконой. Оксана, уже улыбаясь, ответила:

– Она на меня так посмотрела, ну, вроде пожалела, как маленькую. А когда жалеют, почему-то всегда хочется поплакать. А зато мне сейчас так хорошо и легко.

Анна Степановна подумала: «Какая же она ещё маленькая и такая непосредственная. Тяжело ей будет привыкать к жизни в большом городе».

Потом вспомнила, что обещала показать Олеся в интернете все сведения об иконе Казанской Божьей матери. Включила ноутбук, а сама пошла к себе в комнату.

Тут зазвонил телефон. Звонил Николай Иванович:

– Я переговорил со своим приятелем, показал рисунки Олеси. А тот в свою очередь поговорил со своим знакомым из художественного училища имени Рериха. И завтра мы все вместе поедem туда. Нам назначена встреча на десять часов. Возьмите документы, все рисунки. Выезжаем пораньше и на моей машине, если вы не против. Я за вами заеду. До встречи.

Анна Степановна не ожидала, что так быстро всё пойдёт. Молодец Николай Иванович, оперативно действовал.

На следующий день он подъехал, как и обещал, пораньше.

Доехали довольно быстро, чему Анна Степановна очень удивилась. Но Николай Иванович, видимо, очень хорошо знал город, потому что каким-то образом объезжал все пробки на дорогах.

Подъехали к светлому трёхэтажному зданию. Николай Иванович позвонил кому-то. Через несколько минут вышел невысокий седой мужчина, поздоровался со всеми. С любопытством посмотрел на Олесю. Он привёл их в просторную аудиторию, все стены которой были увешаны картинами. Там их встретил высокий, худощавый мужчина. Анна Степановна протянула ему документы Олеси и папку с рисунками. Он молча посмотрел все рисунки, а потом неожиданно сказал:

– А меня нарисуешь?

– Да, попробую, – смутившись, ответила Олеся.

Он дал ей карандаш, бумагу. Олеся начала несмело наносить первые штрихи. А потом, как всегда, забыла обо всём. Карандаш только мелькал в её руке. Закончив, протянула ему листок.

Он долго с удивлением рассматривал свой портрет, с интересом поглядывая на Олесю.

– Поразительно, как тебе удалось так увидеть меня. Молодец. Очень точно всё подметила. Вот что. Сейчас все группы уже набраны, но ты покаходишь вольным слушателем. Потом что-нибудь придумаем. Будешь учиться у ме-

ня. Меня зовут Дмитрий Петрович Лунин. Я преподаю живопись. Жду вас первого сентября.

Вышли из училища, ошеломлённые таким быстрым решением. Николай Иванович поблагодарил своего знакомого, тот ушёл, ободряюще улыбнувшись Олесе.

– Ну, что, это дело надо отметить. Давайте зайдём в какое-нибудь кафе, выпьем по чашечке кофе, – предложил Николай Иванович.

Анна Степановна обняла её :

– Ну, ты довольна?

В ответ Олеся только счастливо улыбнулась. Начинает сбываться её мечта – она будет учиться!

Уже дома, когда пили чай, Анна Степановна задумчиво сказала:

– Вот видишь, случайная встреча оказалась совсем не случайной, а необходимой. А, значит, ей предрешиено было случиться. И вот эта вся цепь случайностей – я поехала в отпуск домой, взяла себе Рекса, потом мы встретили хозяина Рекса . Всё это для помощи тебе.

А про себя подумала, не сказав вслух, что даже отчим сыграл свою роль, правда, отрицательную.

– Все эти случайности помогают тебе. А какая у тебя задача, я затрудняюсь ответить, но думаю, большая, а значит, нелёгкая. И не просто так ты нашла икону Казанской Божьей Матери. Она покровительница твоя и защитница.

У Анны Степановны заканчивался отпуск. За это время

они много ездили по городу – Николай Иванович придумывал разные интересные маршруты.

По дороге, сидя за рулём, рассказывал и показывал, почти не глядя по сторонам. Понятно было, что он хорошо знает и любит свой город. Даже Анна Степановна узнала много нового и интересного про Петербург. А Олеся слушала и только успевала голову поворачивать, глядя на достопримечательности города. Обычно брали с собой и Грома. Останавливались только в тех местах, где можно было погулять и собаке.

Олеся бегала с Громом наперегонки, а Анна Степановна с Николаем Ивановичем шли, оживлённо о чем-то беседуя. По всему видно было, что им хорошо вместе. Анна Степановна приходила после этих прогулок счастливая и взволнованная.

Как-то вечером, вернувшись с такой очередной поездки, она что-то стала готовить на кухне. Олеся смотрела на неё, потом взяла бумагу, карандаш и стала рисовать, тщательно вырисовывая каждую чёрточку. Закончив, протянула Анне Степановне. Она посмотрела, увидев свои счастливые глаза, спросила удивлённо:

– Я что, теперь так выгляжу?

Потом принесла рисунки, на которых она была изображена в деревне, потом уже в Питере, когда она привезла Олеся. Сравнила с сегодняшним.

– Да, существенная разница. На последнем я такая счастливая! Даже когда просто смотрю, становится так хорошо на душе. Надо повесить этот портрет в такое ме-

сто, которое всё время попадалось бы на глаза.

– А нарисуй мне, пожалуйста, Николая Ивановича, сможешь по памяти? Увидим, что он чувствует.

– Могу, даже не рисуя, сказать, что у него тоже такие же глаза. Сейчас увидите, – улыбнулась Олеся. Она закрыла глаза, вспоминая лицо Николая Ивановича, когда он смотрел на Анну Степановну.

Вскоре был готов и портрет Николая Ивановича.

– Хорошо так смотрит, – засмеялась она, – Мне нравится. А потом немного смущённо добавила, – И он мне очень нравится.

Она взяла оба портрета, положила их рядом, и долго смотрела, вздыхая и улыбаясь.

Глава 6

Тут зазвонил телефон. Всё ещё улыбаясь, Анна Степановна взяла телефон. Какой-то незнакомый номер.

– *Я слушаю, это кто?*

– *Это я, Олег. Здравствуй.*

Она узнала голос бывшего мужа. Улыбка тут же исчезла с её лица. Голос стал резкий.

– *И с чего это ты решил мне позвонить?*

– *Я в Питере. Решил вернуться.*

– *Что так? А жена где?*

– *Жена... Разошлись, как в море корабли.*

– *И что ты собираешься делать? Где жить?*

– *Найду работу. А жить... Ты же вроде одна. Да и третья квартиры моя по закону. И если мы с тобой не поладим, то придётся разменять её.*

– *Но ведь ты мне тогда сказал, что ни на что не претендуешь.*

– *Ну, обстоятельства изменились...*

Анна Степановна в гневе бросила телефон. Обхватила голову руками.

Ну, почему, почему он явился именно сейчас, когда у неё всё стало налаживаться?! Когда она встретила наконец человека, с которым она счастлива. Сейчас начнётся эта тяжба с квартирой, от которой пострадает не только она, но и Олеся.

Ну, почему, почему именно сейчас?!

Олеся с тревогой смотрела на неё, не понимая, кто мог одним звонком привести в такое отчаяние Анну Степановну, которая только минуту назад была так счастлива.

Олеся с тревогой посмотрела на Анну Степановну:

– У вас что-то случилось?

– *Мой бывший муж приехал. Семь лет не показывался. После женитьбы даже не звонил. Передавали приветы другу другу через сына. А теперь заявился.*

Она не сказала Олеся про квартиру. Зачем беспокоить девочку. У неё только наступила какая-то определённая жизнь. Может всё разрешится по мирному.

Вечером по Скайпу вызвала сына.

– *Никита, ты знал, что отец возвращается в Питер?*

– *Да, но он просил не говорить. Хотел сделать тебе сюрприз.*

– *Да. Сюрприз удался. Свалился, как снег на голову. Понимаешь, сын, я уже не люблю твоего отца. У меня своя жизнь, свои планы. А он явился через семь лет, как ни в чём не бывало. Сейчас он требует треть квартиры или стоимость его доли. У меня нет таких денег.*

– *Мам, прости, я не знал про квартиру. Я думал, если ты всё ещё одна, может у вас что-то наладится.*

После разговора с сыном Анна Степановна долго не могла уснуть. Она не знала, как ей поступить. По закону, действительно, треть квартиры принадлежит бывшему мужу.

А ведь он после своей женитьбы в США предлагал ей переоформить на неё свою долю. Видимо, в качестве отступного. Но она тянула с этим переоформлением, надеясь, что он вернётся. А потом как-то всё забылось, да и он больше не предлагал.

– Да, сглутила я тогда, – с досадой подумала она. Сейчас бы не было такой щекотливой ситуации.

Утром они с Олесей решили пробежаться, благо, погода позволяла. Добежав до знакомой аллеи, услышали лай Грома, который мчался им навстречу. Олеся убежала с ним, а Анна Степановна дождалась Николая Ивановича. Он, чуть прихрамывая, подошёл и, взглянув ей в лицо, сразу спросил:

– Что-то случилось?

Она не хотела ему говорить про приезд бывшего мужа. Но как-то так получилось, что всё рассказала.

– Ты с ним не встречалась ещё? Может, найдёте какой-то компромисс. Если нужна юридическая помощь, то у меня есть знакомый хороший адвокат.

Зазвонил телефон. Анна Степановна посмотрела :

– О, лёгок на помине.

Молча выслушала, потом коротко ответила:

– Хорошо, приходи часам к двенадцати.

Ровно в двенадцать раздался звонок. Олеся хотела уйти, но Анна Степановна остановила её. Открыла дверь:

– Проходи.

Олег зашёл, протянув ей букет цветов и коробку конфет.

Огляделся:

– *Всё так же, почти ничего не изменилось.*

– *Проходи на кухню. Знакомься, это Олеся племянница тётки Вали. Помнишь тётку Валию? А это Олег Александрович, мой бывший муж.*

Он сел напротив Анны Степановны. Они некоторое время смотрели друг на друга.

– *Что, сильно я изменился?*

– *Да, более солидный стал.*

– *А ты почти не изменилась, всё такая же стройная.*

Олеся, чувствуя себя неловко, поднялась:

– *Давайте я вам чай налью.*

Налила две чашки чая и ушла в свою комнату.

– *Ну, как ты здесь живёшь? Не скучно одной?*

– *А я не одна, у меня вот Олеся.*

– *Я не про неё. У тебя кто-нибудь есть?*

– *Да, я встретила хорошего человека.*

– *Рад за тебя.*

– *Давай не будем тянуть резину. Говори, что тебе надо?* – решительно начала Анна Степановна.

– *Я тебе уже сказал, что мне нужна квартира. Ты же понимаешь, что закон на моей стороне. Могу взять свою долю деньгами.*

– *Но у меня нет таких денег.*

– *А у меня есть к тебе предложение. Я переоформляю на тебя свою долю при одном условии.*

– Какое такое условие?

– Помнишь, мы с тобой ходили на место силы, которое недалеко от деревни твоих родителей? Покажи мне дорогу туда. Я сам его точно не найду. И тогда мы с тобой будем в расчёте. Моя доля в обмен на дорогу.

Анна Степановна молча выслушала его, чувствуя внутри нарастающий гнев.

– Ты что болен, хочешь здоровье своё поправить?

– Да нет, со здоровьем у меня всё в порядке. Представь, если выкупить там землю, можно такой бизнес развернуть! Деньги рекой потекут. Давай сделаем совместный бизнес, а даже лучше семейный, – от волнения глаза его заблестели, а лицо стало красным и потным.

Анна Степановна с изумлением смотрела на него.

– Ты что там, в своей Америке совсем рехнулся на почве денег? Разве не помнишь, что мы дали обещание моим родителям? Забыл уже? Да и какой из тебя бизнесмен? Сколько раз ты здесь начинал свой бизнес? И сколько денег в трубу вылетело! У тебя даже нет денег здесь квартиру купить, а ты опять бизнесом хочешь заняться?

– Деньги будут, я уже переговорил там с кое-кем.

– Ах, даже так?! Ты ещё хочешь привлечь иностранцев? У тебя, похоже, совсем «крыша» поехала.

Она в сердцах хлопнула рукой по столу:

– Не бывает этому. Никому не дам поганить нашу землю. Завтра же найду риэлтора и подам документы на раз-

мен квартиры. Не волнуйся, свою треть ты получишь. Я постараюсь разменять как можно быстрее. А сейчас до свидания. Где дверь, ты знаешь.

– Ну, и дура, вот и живи нищей всю жизнь! – с досадой бросил Олег, хлопнув дверью.

После его ухода, Анна Степановна долго не могла успокоиться. Ходила по кухне, прокручивая в голове весь разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.